

Научная статья

УДК 811.1'42

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.52.4.05

**ЭВФЕМИЗАЦИЯ
КАК ПРИЧИНА И ПОСЛЕДСТВИЕ
ВАРИАТИВНОСТИ СООТНОШЕНИЯ
В КОММУНИКАЦИИ ОБЪЕКТИВИРУЕМЫХ
И СО-АКТИВИРУЕМЫХ СВЕДЕНИЙ О МИРЕ**

Гришаева Людмила Ивановна

Воронежский государственный университет,
Воронеж, Россия,

grischaewa@rgph.vsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9499-3300>

Аннотация. В фокусе рассмотрения в статье — феномен эвфемизации и эвфемизмы, которые изучаются с когнитивной, номинативной и коммуникативной сторон. Особое внимание уделяется причинам широкого распространения в различных условиях эвфемизмов как вторичных номинативных средств, которые стали одними из наиболее часто встречающихся и эффективных номинативных средств для обозначения разных элементов внеязыковой действительности при решении коммуникантами различных категорий разного рода коммуникативных и когнитивных задач.

Разграничение при анализе разнообразных коммуникативных продуктов двух сущностей: эвфемизмов и эвфемизации — позволяет последовательно описать способы и средства реализации когнитивных, номинативных и коммуникативных стратегий в различных условиях и для разнообразных целей. Тем самым становится возможным выявить причины активного обращения субъекта познания и коммуникации к эвфемизмам, установить характеристики соответствующей категории субъекта, охарактеризовать последствия использования эвфемизмов как средства решения некоторой коммуникативной и когнитивной задачи, а также определить параметры успешности соответствующих действий коммуникантов.

Наиболее существенными для продуктивности взаимодействия между коммуникантами последствиями от обращения к эвфемизмам как номинативным средствам целесообразно признать их способность уплотнять информационный поток, экономить когнитивные и коммуникативные усилия за счет со-активации конвенционально имплицитных сведений, вводить в актуальный когнитивный и коммуникативный оборот в тех или иных условиях новые способы профилирования комплекса сведений о некотором элементе внеязыковой

и/или виртуальной реальности и способствовать конвенционализации вербальных и невербальных маркеров новых стратегий взаимодействия в языковой культуре.

Ключевые слова: эвфемизм как вторичное номинативное средство, эвфемизация как коммуникативная стратегия, когнитивная/номинативная/коммуникативная стратегия как феномены, средства и способы реализации стратегии, интеракция как коммуникативная и когнитивная задача.

Для цитирования: Гришаева, Л. И. (2023). Эвфемизация как причина и следствие вариативности соотношения в коммуникации объективируемых и со-активируемых сведений о мире. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 4(52), 47–72. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.52.4.05>

Original article

UDC 811.1'42

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.52.4.05

EUPHEMIZATION AS A CAUSE AND CONSEQUENCE OF THE VARIABILITY OF THE RATIO IN THE COMMUNICATION OF OBJECTIFIED AND CO-ACTIVATED INFORMATION ABOUT THE WORLD

Ludmila I. Grishaewa

Voronezh State University,
Voronezh, Russia,

grishaewa@rgph.vsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9499-3300>

Abstract. The article focuses on the phenomenon of euphemization and euphemisms in particular. The latter are regarded from different perspectives: cognitive, nominative and communicative. There is special attention paid to the reasons for the widespread use of euphemisms as secondary nominative means in various frameworks. Euphemisms in general have become one of the most common and effective nominative tools for designating various elements of extra-linguistic reality when solving various kinds of communicative and cognitive tasks.

Differentiating the two entities while analyzing various communicative products, namely, euphemisms and euphemization, allows to consistently describe the ways and means of implementing cognitive, nominative and communicative strategies in various conditions and for various purposes. Thus, it becomes possible to identify the reasons for the subject of cognition and communication appealing to euphemisms, to establish the features of the corresponding category of the subject, to characterize the consequences of using euphemisms as a means of addressing specific communicative and cognitive tasks, as well as to determine the felicity conditions for the corresponding actions of communicants who prefer euphemization as a communicative strategy to other potentially possible strategies in similar conditions.

The most significant consequence of using euphemisms as nominative means for interaction is their ability to condense the information flow, to save cognitive and communicative efforts due to the co-activation of conventionally implicated information, to introduce new ways of profiling a certain amount of information about a particular element of extra-linguistic and / or virtual reality into the actual cognitive and communicative flow of information in certain conditions and to promote the conventionalization of verbal and non-verbal markers of new interaction strategies against a particular cultural background.

Keywords: euphemism as a secondary nominative means, euphemization as a communicative strategy, cognitive/nominative/communicative strategy as a phenomenon, means and methods of strategy implementation, interaction as a communicative and cognitive task.

For citation: Grishaeva, L. I. (2023). Euphemization as a cause and consequence of the variability of the ratio in the communication of objectified and co-activated information about the world. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 4(52), 47–72. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.52.4.05>

Введение

Сегодня в разных культурных пространствах в качестве одной из любопытнейших особенностей организации актуального взаимодействия между представителями разных категорий носителей языка и культуры с полным правом можно назвать активное — и, судя по всему, осознанное — обращение носителей языка и культуры к эвфемизмам.

С чем часто имеют дело носители языка и культуры в актуальных условиях?

Насколько часто в актуальном общении востребованы эвфемизмы, свидетельствуют, например, следующие образцы использования языковых средств. Причем интересно подчеркнуть, что длительность бытования подобных высказываний в русской языковой культуре и эффект от восприятия подобных высказываний различны, однако это не вызывает у реципиентов никаких сложностей при их интерпретации: *кормилица всяя СССР; титулованный борец за вашу и нашу свободу; их экономика начала постоянно спотыкаться об этот ценовой «плинтус», словно один известный политик на трапе самолета* и мн. др.

Из осознания того, что «эвфемизм — слово или выражение, употребляемое взамен другого, которое по каким-либо причинам неудобно или нежелательно произнести» (Малый академический словарь), что «эвфемизм — эмоционально нейтральные слова или выражения, употребляемые вместо синонимичных им слов или выражений, представляющихся говорящему неприличными, грубыми или нетактичными» (Лингвистический энциклопедический словарь), что «эвфемизм — слово или выражение, заменяющее другое, неудобное для данной обстановки или грубое, непристойное (например, “говорить неправду” вместо “врать”» (Крысин, 2008, с. 824), следуют по крайней мере два обстоятельства.

Первое. Необходимо четко знать, что в случаях с эвфемизмами носители языка и культуры имеют дело с номинациями, причем со вторичными номинациями (ср.: «слово или выражение, употребляемое *взамен* другого» (здесь и далее курсив наш. — Л. Г.)), что вторичная номинация должна восприниматься ими в сложившихся коммуникативных условиях как более уместная, чем любая иная (ср.: обозначение, «заменяющее другое, *неудобное для данной обстановки*»). Важно то, что в конкретной языковой культуре на определенный момент ее бытования присутствует более или менее отрефлектированное коммуникантами знание о наличии для одного некоего элемента внеязыковой действительности по крайней мере двух обозначений.

Приведенные примеры весьма показательны в этом отношении: они в некотором смысле информируют реципиента о позиции продуцента относительно той или иной ситуации (шуливый или саркастический настрой, согласие или частичное/абсолютное несогласие со сложившимся положением дел и т. п.). Тем самым существенным образом предопределяются разнородные характеристики когнитивных фильтров, необходимых для селекции сведений, воспринимаемых субъектом познания

и коммуникации в актуальном акте познания, задаются параметры рамки восприятия, обуславливается соотношение когнитивного фона и когнитивной фигуры. Это важно для перспективизации воспринимаемых субъектом сведений с последующими категоризацией и концептуализацией их, что, несомненно, сказывается на результате осмысления реципиентом воспринимаемого высказывания¹.

Второе. Для любого носителя языка и культуры соответствующая номинация будет осмыслена только тогда, когда этот субъект познания и коммуникации будет владеть достаточно дифференцированным комплексом сведений о номинируемом элементе внеязыковой действительности. Выражаясь иначе, для субъекта восприятия мотив для номинации должен быть (предельно) прозрачен (или же тот не может не полагать, что мотив для номинации ему ясен) (см. примеры, приведенные ранее и далее). В противном случае соответствующее обозначение не может быть интерпретировано ни как эвфемизм и вместе с тем ни как вторичная номинация (о когнитивных основаниях вторичной номинации, ее сущности и разнообразных признаках подробнее см.: Бабина², 2003).

Третье. Обсуждаемое явление необходимо изучать в более широком контексте, чем замена одного обозначения другим. Так, В. Д. Девкин особое внимание уделяет асимметрии «старое понятие — новое имя», выделяя несколько процессов, имеющих в качестве своего результата новое имя, и анализируя причины и последствия от появления соответствующих единиц (Девкин, 2015, с. 112–138). Пополнение лексикона согласно принципу «старое явление — новое название» В. Д. Девкин интерпретирует как «смену имен, своеобразное переименование» (Девкин, 2015, с. 112), которое заслуживает особого внимания по причине недостаточного освещения в лексикологии (Девкин, 2015, с. 112). В. Д. Девкин утверждает: «Такое положение объясняется как периферийностью и непродуктивностью³ настоящего способа номинации, так и рядом факторов *необъективного* порядка» (Девкин, 2015, с. 112–113). Считается, что переименование необходимо отличать от смежных с ним явлений: «“Классический” (основной) случай переименования — это смена названия того, что само по себе не претерпевает изменения: “новое” имя “старого” предмета или явления, причем

¹ Детальный комментарий к описываемым процессам см.: (Гришаева, 2022, 146–179, 230–261, 416–448).

² Концепция Л. В. Бабиной основывается на изучении разнородных вторичных средств как проявления концептуальной деривации в контексте описания лингвокреативного мышления. Последнее «характеризуется тем, что оно направлено на создание новых языковых сущностей путем модификации (прежде всего смысловой) уже имеющихся в языке единиц. Возникающие при модификации языковые или речевые единицы позволяют вторично вербализовать уже существующие в сознании человека понятия и концепты. Это и дает основание говорить, с одной стороны, о концептуальной деривации как едином когнитивном процессе, осуществление которого обеспечивает порождение вторичных языковых и речевых явлений разного уровня, и, с другой стороны, о вторичной репрезентации концептов как особом типе представления знаний» (Бабина, 2003, с. 4–5).

³ Ср. время, когда появилось соответствующее утверждение известного и авторитетного эксперта в области лексикологии, с изменениями способов и средств организации взаимодействия в разных ситуациях, а именно с очевидной высокой частотностью вторичных номинаций в актуальных коммуникативных условиях, интенсивное появление которых обусловлено современными особенностями функционирования языковых средств в разных ситуациях общения, причем в разных языковых культурах.

прежняя номинация уступает место своей преемнице. Переименования — факт языка (номинативной системы), связанный не с количественными, а качественными изменениями. Новое имя, как правило, не создается вновь, а заимствуется в готовом виде либо из отечественного, либо из иноязычного фонда. Переименования ведут к сдвигам в системе названий» (выделено В. Д. Девкиным. — Л. Г.) (Девкин, 2015, с. 136–137).

Тем самым очевидно, что рассуждения об эвфемизмах правомерно осмысливать как размышления о соотношении, с одной стороны, сведений, *объективируемых* в коммуникации различными способами и средствами разных культурных кодов, и, с другой стороны, сведений, *не объективируемых*, но со-активируемых и *необходимых* для установления взаимопонимания между интерактантами в процессе их взаимодействия.

Постановка проблемы и цели исследования

Высказанные мысли можно сформулировать по-другому. Обращаясь к эвфемизму как номинативному средству, субъект познания и коммуникации, будучи носителем языка и культуры, сознательно или неосознанно имеет дело с *выбором* некоего средства из *набора изофункциональных*. Определенным комплексом последних, который постоянно меняется в количественном и качественном отношении, языковая культура располагает на конкретный период своего существования. Однако из этого потенциального набора изофункциональных средств каждый носитель языка владеет лишь некоторыми средствами, и он выбирает из набора только те средства, которыми он как конкретный субъект познания и коммуникации владеет, порой сам того не осознавая. Эти средства, будучи изофункциональными, т. е. выполняющими в коммуникации аналогичные (или тождественные) функции: когнитивные, номинативные, коммуникативные, стилистические или же иные, — естественно, обладают различными лингвистически релевантными характеристиками: лексико-семантическими, словообразовательными, морфологическими, синтаксическими, формально-структурными, текстограмматическими, распознаваемыми по известным лингвистически релевантным закономерностям. Ср., например, вторичные средства обозначения коллективного субъекта: *Вагнер – музыканты – оркестранты – вагнеровцы – штурмовой оркестр* и некоторые иные. Сущность приведенных средств номинации для одного референта как вторичных — и эвфемистических — понятна только тем, кто владеет не только знанием о данном коллективном субъекте и их сфере деятельности, но и тем знанием, какие сведения о мире активизируют те же самые языковые средства в их первичной номинативной функции.

Другими словами, чтобы осмыслить причины предпочтения субъектом в своей номинативной деятельности эвфемизмов и последствия от функционирования последних в коммуникации, необходимо более или менее ясно осознавать ряд обстоятельств.

Во-первых, коммуниканты имеют более или менее дифференцированное и с разной степенью определенности отрефлектированное знание о наличии у любого элемента действительности значительного числа разнородных признаков, по которым этот элемент распознается в разных ситуациях, включается в ту или иную ментальную категорию, а также обозначается. Например, одна и та же лексическая единица активизирует и со-активирует у носителей языка и культуры одновременно, как это

ни парадоксально, идентичный и вместе с тем абсолютно нетождественный набор сведений о мире. На основании этого воспринимаемый элемент культурного пространства идентифицируется по-разному: 1) по первичным в языковой культуре для категоризируемого элемента признакам; 2) по вторичным; 3) по аксиологическим признакам: *хорошая контрольная* (для учителя или для ученика, для сильного или для слабого ученика) — *хорошее поведение* — *хороший производитель* — *хороший клиент* — *хоро-о-о-шие родственнички* и т. д. В итоге хорошим поведением может быть названо все что угодно, однако это непременно соответствует социальному эталону решения определенными коммуникантами некоторой коммуникативной и когнитивной задачи в известных условиях.

Во-вторых, при осмыслении проблематики требуется принимать во внимание конфигурацию и иерархию разнородных признаков в ментальной структуре сведений об определенном объекте (в широком смысле) внеязыковой действительности, а также их значимость (первичность или вторичность, либо нерелевантность) для категоризации воспринимаемых сведений в тех или иных конкретных условиях. Ср. конвенциональное *объемный текст* с уже ставшим привычным *написал много букв*.

В-третьих, не последнюю роль играет коммуникативный опыт носителей культуры, благодаря которому можно довольно легко определить намерение продуцента высказывания, например: *Как оказалось (надо же как удивительно), что своего леса у поляков два куста и три сосны*.

Коммуникативный опыт помогает также реципиенту определить параметры когнитивного фона, на котором осмысляется когнитивная фигура, ср.: *гегемонщина* — *Вашингтонщина* — *Вашингтонский обком* и т. п. Очевидно, что без знания о том, к каким когнитивным образцам обработки сведений обращались в советский период властные и провластные структуры, без знания о функционале соответствующих структур, а также о том, какой класс в советское время признавался гегемоном, приведенную фразу осмыслить весьма и весьма затруднительно. Только умение адекватно сложившимся условиям интерпретировать соотношение объективируемого и имплицуруемого знания позволяет осмыслить всю иронию при обращении продуцентом к подобным номинациям.

Другими словами, особую значимость при анализе функционирования единиц изучаемого типа приобретают теоретические постулаты, с помощью которых можно анализировать идентичность субъектов познания и коммуникации. Последние могут выступать, естественно, в разных ипостасях, используя по-разному для одних и тех же целей языковые средства и иные средства объективации релевантного для взаимодействия знания (подробнее см.: Гришаева, 2022, с. 180–229, 262–292, 449–501; 2022а). Выражаясь иначе, при анализе единиц изучаемого типа очевидна необходимость последовательно и сознательно учитывать диалектику личностной и коллективной идентичности при использовании носителями культуры языковых средств (ср. примеры, приведенные ранее и далее).

Проблемным представляется то, что, как выясняется, при описании эвфемизмов в одну точку, как в фокусе, сходятся практически все до сих пор крайне важные в лингвистическом отношении и все еще дискуссионные вопросы как обще- и частнотеоретического, фундаментального, так и прикладного свойства в моно- и полидисциплинарной перспективе, в частности:

- особенности лингвокреативного мышления;
- причины и последствия многовариантности способов взаимодействия носителей языка и культуры в тех или иных коммуникативных условиях;

- основания и маркеры изофункциональности первичных и вторичных номинативных средств;
- соотношение объективируемого и имплицитного знания, активируемого и со-активируемого знания в конкретной интеракции;
- основания для включения определенного объекта (в широком смысле) внеязыковой действительности в разные ментальные категории;
- условия успешности и факторы риска при взаимодействии носителей языка и культуры;
- основания для конвенционализации того или иного способа оязыкования комплекса сведений;
- соотношение нормативного, конвенционального, окказионального в статическом и динамическом ракурсе анализа;
- параметры успешности взаимодействия с позиции продуцента и реципиента;
- мотивы для выбора средств и способов решения коммуникативной и когнитивной задачи в разных условиях;
- степень взаимозаменяемости вербальных и невербальных способов объективации некоторых сведений о мире в определенных коммуникативных условиях;
- эндогенные и экзогенные по отношению к порождаемому тексту факторы, обуславливающие выбор средств и способов решения конкретной коммуникативной и когнитивной задачи; и др. (подробнее об этом см.: Гришаева, 2020).

Подобная интерпретация теоретических и прикладных задач на материале эвфемизмов обусловлена их сущностью, высокой частотностью как средств реализации коммуникативных стратегий, многочисленностью и разнородностью потенциальных объектов эвфемизации, высокой вариативностью способов выражения эвфемизмов, новыми потребностями современного общества и явными изменениями в субъекте познания и коммуникации, наконец (см. далее).

Объединяет все разнообразие и разнородные средства то, что вторичные номинативные средства — эвфемизмы — независимо от своей лингвистической природы и лингвистически значимых характеристик (см. примеры, приведенные ранее и далее) — это:

- прежде всего средства реализации внеязыковых целей коммуникантов;
- средства решения определенной коммуникативной и когнитивной задачи;
- средства сообщения партнеру по общению новой (в разной степени для участников интеракции) информации;
- средства объективации и вместе с тем непременно активации и со-активации различных необъективированных и/или, как правило, в принципе необъективируемых в интеракции сведений о мире;
- средства профилирования комплекса сведений о мире (структурирования, переструктурирования и пр. процессов, происходящих в комплексе разнородных сведений как в пределах одной ментальной структуры, так и в более или менее крупных сегментах картины мира как совокупности гетерогенных, гетерохронных, гетеросубстратных сведений о мире и пр.);
- средства воздействия на коммуниканта, которое может быть более или менее эффективным и более или менее предсказуемым для обоих участников взаимодействия.

Подобный подход к осмыслению функционала и потенциала воздействия изучаемых языковых средств позволяет учитывать в статическом и динамическом аспектах

три вида деятельности, разделить которые в действительности можно только весьма условно и только в целях тщательного анализа для более глубокого проникновения в суть описываемых процессов: когнитивных, номинативных, коммуникативных. Первые предоставляют данные о результатах категоризации воспринимаемых сведений, вторые — о способах и механизмах вербализации. Третьи прямо и/или опосредованно сообщают о способах и средствах структурирования информационного потока в ходе достижения носителями культуры общей задачи через последовательность речевых и неречевых действий при решении на отдельных фазах организации интеракции частных задач, подчиненных достижению общей цели.

Таким образом, интерпретация интеракции, взаимодействия, носителей языка и культуры в некоторой ситуации как решения ими определенной коммуникативной и когнитивной задачи некоторыми способами и средствами, а также осознание сказанного во всей его сложности и комплексности дает право рассматривать столь разнообразные языковые средства на единых теоретических основаниях. Это позволяет также описывать с помощью единых приемов и интерпретировать их как средства решения определенной коммуникативной и когнитивной задачи, *отобранные* и *подчиненные* на всех этапах реализации определенных когнитивных, номинативных, коммуникативных стратегий решению этой задачи. Принимая во внимание формальное и содержательное многообразие обсуждаемых единиц, целесообразно интерпретировать их не в атомистическом ракурсе, а в холистическом, т. е. не изучать их изолированно как отдельные средства выразительности, как стилистические фигуры, а как одно из средств реализации *стратегии на эвфемизацию*. Тогда очевидно, что в процессе реализации стратегии порождается текст некоторого типа как интенциональное, функциональное, формальное, содержательное единство, целостный коммуникативный продукт, организуемый на микро- и макроуровне по известным в языковой культуре ментальным образцам и синтаксическим моделям разной степени сложности, присутствующим в языковой системе (см. подробнее: Гришаева, 2020, гл. 2–3, 5).

Сделанные уточнения позволяют дать определенный ответ на вопрос относительно случайности и/или намеренности обращения носителей языка и культуры к средствам эвфемизации. Думается, что данную стратегию корректнее охарактеризовать как *дополняющую* основную, реализуемую коммуникантами сознательно, поскольку «эвфемизмы — смягченные слова и выражения, *вызванные социальными табу*» (Иванян, 2017, с. 3). Сознательность выбора одного из множества средств эвфемизации основывается по крайней мере на трех обстоятельствах:

во-первых, на более или менее четком осознании коммуникантами неуместности одного из потенциально вероятного способа номинации;

во-вторых, на владении субъектом социально релевантными когнитивно салиентным знанием о возможности варьировать средствами и способами взаимодействия в тех или иных коммуникативных условиях, а также на более или менее сознательном владении комплексом изофункциональных средств и более или менее отрефлектированным знанием о характере их воздействия каждого из такого комплекса изофункциональных средств на партнеров по коммуникации;

в-третьих, на присутствии у субъекта социально значимого знания о высокой вероятности позитивных, кратковременных и долговременных, последствий для взаимодействия интерактантов в случае выбора вторичных — эвфемистических — номинативных средств как не только приемлемых, но и креативных, аттрактивных, экспрессивных

способах выражения своих мыслей и уважительного отношения к интересам партнеров по коммуникации.

Предлагаем следующие обоснования представленной трактовки. Одни и те же сведения о мире объективируются, активируются и со-активируются разными механизмами вербализации: лексико-семантическими, словообразовательными, морфологическими, синтаксическими, формально-структурными, текстограмматическими — с их дальнейшей тонкой дифференциацией по известным, значимым для лингвистического описания основаниям (см.: Гришаева, 2020, с. 21–74). Однако разнородные средства, активизирующие и со-активирующие комплекс сведений об одном и том же объекте внеязыковой действительности с разной степенью детализации, вызывают нетождественно организованные в соответствующей ментальной структуре конфигурации сведений и, следовательно, обуславливают нетождественность воздействия на реципиента активированного комплекса сведений об определенном объекте внеязыковой действительности (см. примеры, приведенные ранее и далее).

В разных коммуникативных условиях комплекс сведений о некотором воспринимаемом объекте, активированный теми или другими механизмами вербализации, не может быть тождественным уже в силу того, что эти сведения встроены в разные текстовые пространства. В одном и том же текстовом пространстве встречаемость разнородных средств объективации, активации и со-активации сведений о мире не может быть случайной, поскольку все механизмы вербализации подчинены текстограмматическим механизмам из-за того, что эти средства используются для решения одной общей задачи, что они служат реализации определенной стратегии (см. подробнее: Гришаева, 2020).

Обращение к средствам эвфемизации при решении некоторой коммуникативной и когнитивной задачи со-активирует комплекс разнородных сведений, не объективированных в интеракции. Следовательно, правомерно трактовать данное обстоятельство как *уплотнение* информационного потока в единицу времени, так как одновременно транслируется текстом больше сведений. К тому же этот комплекс оказывается более дифференцированным, активирующим и со-активирующим наряду с объективно ориентированными субъективно ориентированные сведения. Поэтому подобный способ организации информационного потока вполне гармонично согласуется с характеристиками современного информационного общества (см. подробнее, например: Tsvasman, 2006, с. 135–136), а также с изменениями в структуре личностной и коллективной идентичности, вызванными особенностями взаимодействия в современном обществе (см. комментарии и рассуждения: Гришаева, 2022; 2022а).

Знания, о которых упоминалось ранее, относятся, бесспорно, к знаниям, разделяемым всеми носителями языка и культуры. Поэтому выбор средств и способов реализации той или иной стратегии подпадает в том числе и под влияние социокультурных, социо-психологических, когнитивно-психологических, социолингвистических и социологических факторов. Для осмысления в обозначенном контексте необходимо последовательно учитывать:

- 1) набор социокультурно релевантных знаний, необходимых коммуникантам для более или менее успешного взаимодействия в известных условиях (знания о коммуникативной ситуации);

- 2) разнородные и разноуровневые средства вербализации коммуникативно и когнитивно релевантных сведений, востребованных при решении конкретной коммуникативной и когнитивной задачи (интеракционные знания);

3) способы и средства реализации конкретной коммуникативной и когнитивной задачи, адаптированные к вариативным условиям в коммуникативной ситуации некоторого типа.

Принимая во внимание все вышесказанное, цель предлагаемой статьи правомерно сформулировать следующим образом: выявить мотивы носителей языка и культуры, побуждающие их выбирать в качестве способа достижения своих целей в коммуникации разнородные средства эвфемизации как вторичные номинативные средства.

Материал и методы исследования

Значимость перечисленных обстоятельств станет более очевидной тогда, когда мы вспомним еще раз о том, где, насколько часто, для чего и как встречаются анализируемые средства. Анализ приведенных параметров, определяемых в течение довольно длительного периода наблюдения (см. далее список источников примеров), позволяет утверждать, что средства обсуждаемого типа встречаются в самой разной коммуникативной среде, это:

- разные типы текста (комментарий, сообщение, рассказ, реплика, интервью и др.);

- тексты на разные темы (актуальные, вечные, бытовые и бытийные, детские, философские, интимные, общечеловеческие и др.);

- тексты, адресуемые разным категориям коммуникантов (молодым или довольно долго прожившим, профессионалам или начинающим осваивать профессию и т. д.);

- разные типы дискурса (политический, медийный, экономический, научный, академический, художественный, людический и др.) с различными форматами (ток-шоу, викторины, документалы, интервью, комментарий эксперта, пародии и пр.);

- кооперативное и некооперативное общение;

- взаимодействие в официальной или неофициальной обстановке.

Так, средства анализируемого типа могут функционировать:

- в политическом анализе событий, так или иначе затрагивающих Россию: *Россию приняли в семерку на правах шестерки*;

- либо в текстах о политических событиях в иных культурах и/или странах: *«фрау 360 градусов» — так упорно продолжает свой танец на граблях после череды предыдущих скандалов и после провала миссии своей соотечественницы — правительства старцев и гинекологов*;

- в светских сплетнях о персонажах из инокультурного пространства:

Письмо дяди Федора из Простоквашино, монтезитский вариант.

Это абсолютная заказуха. Сейчас дружественная (за деньги) с Монтесито редакция Page Six выкатила огромную статью, написанную непонятно зачем.

То есть новость там одна. И ее мог рассказать изданию лишь Гарри или Маркл...⁴;

- или же в великосветских сплетнях (рассказах) для отечественного потребителя: *страна-таки дождала до очередного Аллого дня календаря — Пугалкина*; и мн. др.

⁴ В этой связи любопытно обратить внимание на то, насколько мастерски носители русского языка обращаются к прецедентным феноменам, бытующим в русской языковой культуре, чтобы реализовать стратегию эвфемизации, повествуя о событиях из инокультурного пространства.

Стремление определить интенцию, реализуемую коммуникантами с помощью описываемых средств, приводит к осознанию широчайшего диапазона средств и способов ее претворения в жизни. Так, уже только незначительное число приведенных примеров, из текста которых выписаны отдельные случаи функционирования изучаемых единиц, убеждает, что последние используются, чтобы рассмешить кого-либо, высмеять что-либо, осудить кого-то или что-либо, поддержать кого-либо, избежать всеобщего осуждения при сообщении публике деликатной информации и т. д. Единицы анализируемого типа вполне успешно применяют также для того, чтобы более глубоко осмыслить ситуацию, разъяснить свою позицию, расставить те или иные акценты, размежевать мнения. Средства и способы оказываются весьма эффективными, чтобы более четко структурировать тот или иной информационный поток, вписаться в некоторый нарратив, маркируя себя в нем как своего, и др. К тем же самым средствам можно прибегнуть с целью дополнить сведения о чем/ком-либо, не особо выделиться, скрыть свои убеждения в ситуации, когда это обязательно, например, для карьеры, но по политическим соображениям этого делать нежелательно и т. д. (см. приведенные ранее и далее примеры). В этой связи целесообразно еще раз вспомнить, как исследователи характеризуют соответствующие единицы: «эвфемизмы являются скрытым, смягчающим и приукрашивающим способом выражения» (Степанова, Чернышова, 2003, с. 45).

В качестве примера сравним выписанные из одного текста высказывания от разных носителей русского языка и культуры об одном человеке, участвовавшем в одном событии:

- *Беглый комик уже в который раз огибает нашу планету со своими выступлениями. Видимо, пытается побить рекорд Федора Конюхова по кругосветкам.*
- *Недолго музыка играла, недолго фраер танцевал. Так ему в России все писали и на блюдечке приносили, а теперь некому.*
- *птица-говорун Галкин.*
- *Очень он похож на Коровьева из свиты Воланда.*
- *Максим «Алкин».*
- *У Пугалкина иссяк материал к его плоским шуткам, и он просто мелет похабщину. Как же можно было так опуститься? Мелко и пошло.*

Сопоставление разных способов активизации через эвфемизацию некоторого сложно организованного комплекса сведений об одном и том же субъекте как носителя языка и культуры, а также анализ различных способов обозначения одного и того же референта убедительно показывают богатство и высокую потенциальную степень эффективности воздействия единиц описываемого типа на реципиентов-носителей русского языка и культуры. Эвфемизация предоставляет носителям языка и культуры значительный и весьма разнообразный арсенал средств, с помощью которого можно к тому же конструировать аксиологический — негативный разной степени интенсивности — когнитивный фон из релевантных для культуры позитивных ценностных ориентаций, на котором будет осмысливаться когнитивная фигура — поступки некоторого человека, его внешность, качества его характера и пр.

Очевидно, что в конкретном случае сведения о разнообразных характеристиках, например о возрасте, внешности, поступках субъекта, со-активируются синхронно со сведениями о качестве его профессиональной деятельности, ее результатах и целеполагании, например: *пытается побить рекорд Федора Конюхова по кругосветкам. — Очень он похож на Коровьева из свиты Воланда. — Недолго музыка играла, недолго фраер танцевал. — Как же можно было так опуститься? Мелко и пошло.*

Тем же способом сообщаются сведения о степени оригинальности его творческого потенциала, например: *иссяк материал к его плоским шуткам, и он просто мелет похабщину*. — Так ему в России все писали и на блюдечке приносили, а теперь некому. Соответствующие сведения активизируются у реципиентов и через апелляцию к отдельным фактам биографии этой личности, например: Максим «Алкин» – Пугалкин (= контаминация «Лу(гачева) + Галкин») – птица-говорун. Интересно, что профилирование сведений об одном и том же человеке может стать эффективным и весьма экспрессивным и благодаря апелляции к прецедентным феноменам разной этиологии, которые хорошо известны носителям языка и культуры и которые имеют устойчивую и определенную связь со значимыми для культуры ценностными ориентациями, например: *Коровьев из свиты Воланда — Федор Конюхов*. Поэтому негативные оценки тех или иных действий и качеств могут потенцироваться, не вызывая при этом у реципиента эффект морализаторства и по этой причине эффект отторжения соответствующих оценок.

Если обратить внимание на функции эвфемизма на микроуровне (в тексте как неотъемлемом компоненте текста или в сверхфразовом единстве) или на макроуровне (в тексте как интенциональной, содержательной, формальной, функциональной целостности) либо в дискурсивном (коммуникативном) событии, то можно заметить, что функционал эвфемизма гармонично коррелирует с эффектом от его употребления. Так, обращение к эвфемизму позволяет обойти разного рода табу, не затрагивая табуированные темы, такие как смерть, финансовое состояние, религиозные или политические убеждения и др. Можно преуменьшить негативные последствия от сделанных ошибок и/или недостатков, смягчить жесткость требований и т. п. Употребление той или иной номинативной единицы вместо первичного для соответствующего референта, конвенционального обозначения может способствовать уважительному отношению у реципиента к продуценту и/или к тому или иному обстоятельству либо позиции и др. (см. примеры, приведенные ранее и далее).

Таким образом, очевидно, что объекты эвфемизации чрезвычайно разнообразны: финансовое положение, социальное положение, возраст, болезни и физическое состояние человека, расовая или национальная принадлежность, смерть, похороны, физиологические действия и состояния и т. д. Подобные объекты номинации, естественно, в разных культурах не могут быть по определению тождественными. Функционирование эвфемизмов регулируется поэтому по понятным причинам прямой и/или опосредованной апелляцией к ценностным ориентациям, доминирующим в соответствующей языковой культуре. Значимой является также конфигурация таких ориентаций в ценностной картине мира коллективного и единичного субъекта. Важными остаются и особенности организации сведений в ментальной структуре и коллективной, и личностной идентичности у коллективного и единичного субъекта (см. соответствующий теоретический комментарий: Гришаева, 2020; 2022). Поэтому в данном контексте правомерно изучать и такое часто встречающееся в актуальной коммуникации явление, как политкорректность. Однако надо иметь в виду, что в последнем случае, т. е. при соблюдении требований политкорректности, замена первичной номинации на вторичную превращается в норму, следовать которой в некоторых культурах становится обязательным условием практически для всех типов интеракций в конкретном культурном пространстве для всех без исключения носителей языка и культуры, а не индивидуальным решением конкретного коммуниканта, как это описывается в данной статье.

Сравнение разных способов вторичного обозначения одного элемента культуры (независимо от природы последнего) позволяет констатировать, что в любой языковой культуре присутствуют многочисленные способы для вторичной номинативной деятельности носителей языка и культуры. Применительно к эвфемизмам их даже можно довольно уверенно перечислить, например: аббревация, терминологическая замена, использование диминутивов или заимствований либо единиц детского языка, порождение контаминаций или иных юмористических преобразований, звуковых аналогий, разнообразных средств деинтенсификации, разнообразные стилистические фигуры и др. Разнообразные с лингвистических позиций номинативные средства и способы довольно хорошо изучены в специальных исследованиях на материале разных языков (см. подробнее соответствующие описания: Антрушина, Афанасьева, Морозова, 2004; Иванян, 2022; Сенчикина 2008; Степанова, Чернышова, 2003; Цейтлин, 2001; Rada, 2013; и мн. др.).

В обозначенном контексте целесообразно иметь в виду, что одна и та же номинативная задача может решаться разными способами (см. приведенные ранее примеры). В результате в языковой культуре складывается некоторый набор изофункциональных средств, объединяющий обозначения разных элементов внеязыковой действительности: субъект (единичный или коллективный), объект, признак, отношение, состояние, действие, процесс, та или иная фаза процесса, ситуация, комплекс ситуаций и т. д. В такой комплекс изофункциональных средств входят разнообразные и разноуровневые первичные или вторичные средства, конвенциональные или нормативные средства, повторяющиеся в языковой культуре с той или иной периодичностью или окказиональные средства, узуальные или ненормативные средства и т. д. Поэтому, по всей видимости, соответствующие исследовательские задачи являются столь сложными, а интерпретация соответствующего явления — дискуссионной.

Обобщая размышления, правомерно подчеркнуть, что эвфемизацию целесообразно описывать двояко: 1) как самостоятельную коммуникативную и когнитивную стратегию; 2) как стратегию дополнительную, сопровождающую в определенных коммуникативных условиях иные стратегии, доминирующие по тем или иным причинам при реализации некоторой интеракции, — информативную, людическую, дескриптивную, аксиологическую, комиссивную, экспрессивную, директивную и др. Изначально необходимо принимать во внимание множественность способов и средств решения задач, преследующих одну и ту же цель и/или сопоставимые цели. Это касается решения коммуникативной и когнитивной задачи при кооперативном или некооперативном взаимодействии, или же в случаях угрозы негативного коммуникативного результата при выборе той или иной стратегии на преодоление угрозы негативного коммуникативного результата.

Таким образом, *материал* исследования можно охарактеризовать как тексты разного типа, интерпретируемые в качестве коммуникативного продукта, порождаемого в тех или иных условиях. Из подобных текстов выписываются средства эвфемизации, распознаваемые по разнородным и разноуровневым средствам, специализирующимся на решении изучаемой когнитивной задачи. Необходимо подчеркнуть, что по причинам чрезвычайно высокой степени формального и содержательного разнообразия способов и средств эвфемизации адекватной эмпирией могут быть только тексты как результат коммуникации — только таким образом представляется возможным достичь поставленной цели исследования.

Методику исследования можно охарактеризовать как многоаспектную и комплексную, а избираемые методы и приемы исследования — как многократно апробированные в лингвистическом анализе разнородных и разноуровневых языковых средств. Особое внимание по понятным причинам следует уделять средствам и способам реализации когнитивных, номинативных и коммуникативных стратегий.

В данном контексте *когнитивные стратегии* понимаются как сложившиеся в культуре образцы обработки воспринимаемых сведений о мире, которые побуждают носителей культуры по-разному оценивать значимость воспринимаемого и на разных основаниях так или иначе конфигурировать сведения, подводя их под некоторую ментальную категорию (см. подробнее: Грановская, 1981; Солсо, 2002; Anderson, 2001, и мн. др.). Следствием владения отрефлектированным и/или неосознаваемым знанием носителями культуры о когнитивных стратегиях, а также следования ими когнитивным стратегиям, сложившимся в языковой культуре, являются селекция воспринимаемых сведений, категоризация и концептуализация их, перспективизация и профилирование всего комплекса активированных и со-активированных сведений о мире. На таком основании выполняются соответствующие когнитивные операции и действия согласно когнитивным образцам, принятым в определенной языковой культуре, т. е. в конечном итоге структурируется информационный поток сообразно конвенциям, сложившимся в конкретной языковой культуре применительно к актам перцепции.

В любой языковой культуре можно выделить когнитивные стратегии прямой идентификации, косвенной идентификации, аксиологической идентификации, дескрипции, сгущения негативных смыслов и др. При этом очевидно, что стратегия прямой идентификации основывается на первичных в культуре признаках объекта на первичном для акта познания когнитивном фоне. Стратегия косвенной идентификации базируется на вторичных и/или незначимых (редко вычленяемых) признаках на первичном и/или вторичном для акта познания когнитивном фоне. Аксиологическая когнитивная стратегия реализуется через вычленение аксиологически значимых признаков объекта на первичном и/или аксиологическом когнитивном фоне. Реализация дескриптивной когнитивной стратегии осуществляется тогда, когда комплекс разнородных признаков объекта активизируется на первичном для категоризации сведений о некотором объекте действительности фоне или на аксиологическом когнитивном фоне. О реализации стратегии сгущения негативных смыслов можно говорить, если негативно осмысляемые в культуре признаки воспринимаемого объекта профилируются в акте познания на негативном когнитивном фоне и т. д. (см. подробнее: Гришаева и др., 2009; Гришаева, 2020; 2022, с. 99–139, 140–179, 502–535; 2022a).

Сказанное во многом обуславливает выбор коммуникантом того или иного номинативного средства для воспринимаемого объекта (в широком смысле) из комплекса изофункциональных. Активизация и со-активация разными вербальными и невербальными способами различных сведений об одном и том же воспринимаемом объекте обусловлены рядом факторов, предерминирующих соотношение когнитивного фона и когнитивной фигуры, т. е. распознавание когнитивной фигуры, и тем самым в конечном итоге категоризацию и концептуализацию воспринимаемых в актуальном акте познания и коммуникации сведений о мире. Таким образом, при анализе целесообразно принимать во внимание следующие параметры:

– рамку восприятия и ее количественные и качественные параметры (свой – чужой, свой – другой) (см. подробнее: Гришаева, 2022, с. 146–179);

- характер когнитивных фильтров, сквозь которые селективируются сведения в актуальном акте познания;
- соотношение когнитивного фона и когнитивной фигуры;
- особенности (личностной и/или коллективной) идентичности единичного и/или коллективного субъекта познания и коммуникации;
- цель деятельности коммуникантов.

Поэтому исследователь в состоянии определить и *номинативные стратегии* через выявление и осмысление мотивов номинативной деятельности коммуникантов при решении ими некоторой коммуникативной и когнитивной задачи, определение оснований для выбора конкретных номинативных средств из набора изофункциональных, а также установление коммуникативного и когнитивного фокуса в актуальных для коммуникантов условиях. Это номинативные стратегии: прямой идентификации, косвенной идентификации, аксиологической идентификации, стратегии дескриптивные, эвфемизации, сгущения негативных смыслов, контroversзные и пр. (см. подробнее: Гришаева и др., 2009; Гришаева, 2020). Объективно выявляемые лингвистически значимые параметры общеизвестны. Это в первую очередь семантическая структура лексемы, семантическая селективность той или иной лексической единицы, дистрибуция лексемы, словообразовательные характеристики, грамматические свойства той или иной словоформы, функциональный потенциал словоформы и способы его реализации в разных условиях, способы реализации синтаксических связей, характер синтаксической структуры, способы выражения пропозиции и др. (см. подробнее: Гришаева и др., 2009; Гришаева, 2020).

Убедительным примером сказанному может служить один рекламный креолизованный текст, в котором удачно сочетаются конвенциональные и окказиональные, нейтральные и креативные, ожидаемые и неожиданные, прогнозируемые и неисчисляемые номинативные решения. Соответствующие номинативные средства используются синхронно с невербальными, что показывает реципиенту как носителю культуры один из многочисленных способов решения некоторой номинативной задачи в определенных коммуникативных условиях: *конфетно-букетный период* (невербально: ситуации встреч влюбленных), *совместно-бюджетный* (невербально: ситуации совместного ведения хозяйства для молодой пары), *торжественно-клятвенный* (невербально: ситуации при заключении брака), *ждательно-нежный* (невербально: ситуации ожидания пополнения семьи), *пелёночно-подгузный* (невербально: ситуации ухода за новорожденным и подрастающим младенцем). Использование таких номинативных средств, а также соотношение в креолизованном тексте эксплицитного и имплицитного, соотношение по-разному объективируемых сведений о мире и со-активации необъективируемых сведений позволяют выявить изменения и/или варьирование соотношением «когнитивный фон — когнитивная фигура» и тем самым быстро донести коммуникативно и когнитивно значимую для продуцента текста информацию, а также оптимизировать общение, т. е. повысить эффективность воздействия на реципиента.

Другими словами, анализ текста позволяет выявить характер реализуемых продуцентом *коммуникативных* (дискурсивных) *стратегий*, поскольку реализация определенной коммуникативной стратегии обеспечивает субъекту познания и коммуникации решение коммуникативной и когнитивной задачи в известных коммуникативных условиях. А выбор той или иной стратегии из потенциально вероятных в известных

условиях, т. е. адаптация к постоянно меняющимся условиям, обеспечивает вариативность соответствующих способов решения актуальных для коммуникантов задач (см. подробнее: Гришаева, 2020, гл. 5; 2022а).

Возможность исчисления и прогнозирования стратегий подобного рода обусловлена тем, что коммуникативный, когнитивный и социальный опыт носителей культуры обеспечивает коммуникантам как носителям языка и культуры владение социальными эталонами (паттернами взаимодействия), а также использование в разных условиях разнообразных языковых средств. Подобные сведения, т. е. структура любого вида деятельности, определенно относятся к знаниям, разделяемым всеми носителями языка и культуры. Прежде всего это: мотив деятельности (внешний и/или внутренний), цель деятельности, осуществление деятельности как последовательности действий и операций по выполнению того или иного действия, инструмент и средства, адекватные характеру реализуемой деятельности, знание паттерна выполнения деятельности (социального эталона), оценка степени соответствия реализуемых действий социальному эталону, среде и иным условиям осуществления данного вида деятельности, особенности субъекта деятельности с востребуемыми характеристиками.

Потенциал изучаемых средств

Потенциал изучаемых средств можно акцентировать, если назвать ряд вопросов, в частности:

- Почему эвфемизмы все чаще задействованы в актуальных коммуникативных условиях?
- Почему сегодня эвфемизмы так активно вытесняют из коммуникации первичные номинативные средства?
- Почему «неконвенциональные» средства оказываются для носителей языка и культуры все более приемлемыми, предпочтительными и эффективными при решении некоторых коммуникативных и когнитивных задач?
- Почему средства эвфемизации встречаются в разных коммуникативных средах?

Чтобы ответить на вопросы, так или иначе возникающие при анализе эвфемизмов, необходимо показать степень объяснительной силы предложенных способов анализа изучаемой проблематики. Для этого в дополнение к уже проведенному ранее анализу изучаемых языковых средств из русскоязычного культурного пространства целесообразно показать их функциональный потенциал в креолизованном (мультимодальном) тексте о совершенном европейце (рис. 1). Этот текст уже длительное время бытует в мультикультурном медиапространстве и постоянно пополняется аналогичными способами информирования о новых членах Европейского Союза по мере расширения последнего.

Еще одним способом верификации высказанных ранее соображений является художественный текст, порожденный в немецкой языковой культуре для людической коммуникации. Разный набор сведений о некотором элементе внеязыковой действительности активизируется и со-активируется и иными способами, например, в текстах Б.-Л. Ланге, человека, сыгравшего особую роль в период объединения Германии. В своей книге, рассказывающей в ироничном и порой саркастическом или ностальгическом ключе в том числе и о жизни в экс-ГДР, Б.-Л. Ланге использует такие средства номинации,

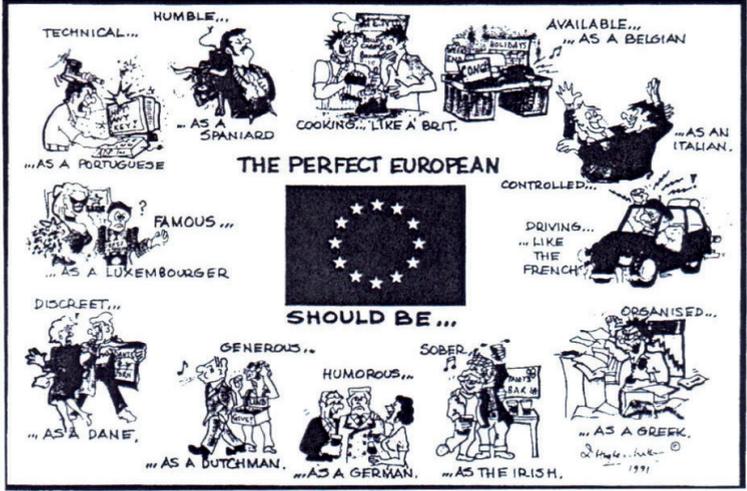
<p> Креолизованный (мультимодальный) текст = <i>косвенная оценка реальности</i></p> <p>Текст = контраст желаемого и действительного</p> <p><i>Двойная и двойственная апелляция к содержанию оценочных авто- и гетеростереотипов</i></p> <p><i>Эксплицитная и имплицитная активизации авто- и гетеростереотипов</i></p>	
<p>Вербальные средства</p>	<p>Невербальные средства</p>
<p>Объект номинации — коллективный субъект как представитель определенного этноса и носитель типического качества</p>	<p>Объект номинации — совокупность коллективных субъектов как представителей определенного этноса в типичной для каждого этноса ситуации и характерных способов выполнения этого вида деятельности в определенном культурном пространстве.</p> <p>Импликация: (1) единство в многообразии — (2) действительность может противоречить прокламируемому — (3) использовать первичные номинации некорректно (нетолерантно)</p>
<p>Вербально и невербально кодируемые сведения о внеязыковой действительности откровенно противоречат друг другу с точки зрения содержания</p>	
<p>Желаемое ≠ нереальное</p>	<p>Реальное, наблюдаемое</p>
<p>Основание оценки: семантика лексических единиц</p>	<p>Основание оценки: «фотографическое» изображение действительности средствами карикатуры (с присущими последней стилистическими средствами)</p>
<p><i>Technical as a Portuguese</i> <i>Humble as a Spaniard</i> <i>Cooking like a Brit</i> <i>Available as a Belgian</i> <i>Controlled as an Italian</i> <i>Famous as a Luxembourgger</i> <i>Driving like the French</i> <i>Discreet as a Dane</i> <i>Generous as a Dutchman</i> <i>Humorous as a German</i> <i>Sober as the Irish</i> <i>Organised as a Greek</i></p>	
<p>В сумме — черты характера идеального европейца</p>	<p>В итоге — наиболее запомнившиеся из наблюдений и/или при знакомстве с продуктами художественного творчества либо с медиа-продуктами черты характера каждого из коллективных субъектов как типичных представителей определенного этноса</p>

Рис. 1. Функционал вербальных и невербальных средств в креолизованном тексте

Fig. 1. The functionality of verbal and non-verbal means in a creolized text

которые чрезвычайно информативны в том числе и в историческом отношении; ср. первичные и вторичные номинации для одного и того же референта: трабант (*Trabant*) — *Kosakenmercedes*, *Arbeiter-und-Bauern-Volvo*, выборы (*Wahlen*) — *Zettelfaltveranstaltung*, квартира (*Wohnung*) — *Arbeiterschließfach*, гражданин ГДР (*DDR-Bürger*) — *Russe de luxe*.

Интересно также сопоставить вклад различных вторичных номинативных средств в структуру номинативных цепочек, прошивающих весь текст, в содержание текста. Так, отдельные номинации для автомобиля, производимого в ГДР, образующие в тексте на основании тождества референции к одному и тому же объекту номинативную цепочку, активизируют и со-активируют самые разные сведения о соответствующем объекте. В итоге читатель, даже если он не знаком с объективными техническими параметрами номинируемого устройства, получает комплекс весьма тонко и по разным основаниям дифференцированных сведений, ср.:

- *Rennrappe* — развиваемая «скорость», противоречащая одному из главных критериев высокого уровня автомобилей;
- *Babbe* — внешний вид и манера передвигаться;
- *Zwickauer Flüchtlingskoffer* — место производства и наиболее значимая характеристика для определенной категории граждан;
- *Gehhilfe* — функция и характер потребителя с очевидными для наблюдателей проблемами в здоровье;
- *Mercedes Krenz* — сравнение потребителей аналогичных механизмов не в пользу официальных представителей власти;
- *Rostquietsch* — плачевное состояние механизма;
- *Kosakenmercedes* — характеристика потенциального потребителя, уровень престижности через апелляцию к официально поддерживаемым эталонам некоторой категории товаров, адресуемых официально возвеличиваемой категории людей.

Очевидно, что соответствующие вторичные номинации, которые со стилистической и лексико-семантической точки зрения характеризуются абсолютно по-разному, представляют собой эвфемизмы. Другими словами, это вторичное номинативное средство, за использованием которого в коммуникации стоит хорошо или смутно осознаваемый мотивированный выбор продуцента. Вместе с тем это средство активизации и со-активации признаков воспринимаемого объекта, по мнению продуцента текста, конвенционально не объективируемых в интеракции как хорошо известные и поэтому не нуждающихся при взаимодействии между носителями культуры в объективации средствами культурных кодов.

Если же проанализировать и иные номинативные цепочки, складывающиеся из первичных и вторичных номинативных средств, можно понять, какие средства, для чего и почему продуцент текста отбирает, чтобы максимально эффективно воздействовать на реципиента в направлении, желательном для продуцента:

- метафора (*Frühgurke* — карьерист);
- метонимия (*die Lackschuhe, der Wasserkopf* — служащие);
- сравнение (*Bonbon* — партийный значок Социалистической единой партии Германии);
- концептуальная метафора (*Rotlichtbestrahlung* — политпросвещение);
- ирония (*Arbeiter-und-Bauern-Volvo* — автомобиль «трабант»);
- сарказм (*die Knirpskolonne* — группа сотрудников госбезопасности);
- эвфемизм *per se* (*der sozialistische Industrienebel* — смог);

- игра слов (*bohnenlose Gemeinheit* — (ср.: bodenlos – дословно: *бездонный*) — кофе);
- сочетание разных механизмов (*Kapitalistischer Brotaufstrich* — сливочное масло) (см. подробнее о номинативном и функциональном потенциале единиц анализируемого типа: Grischewa, 2022).

Таким образом, очевидно, что не совсем корректно говорить об эвфемизмах по отдельности, гораздо более корректно рассуждать именно о *стратегии эвфемизации*, поскольку последняя реализуется разнообразными способами и вариативными средствами и не в единичном номинативном акте, а через осуществление речемыслительной деятельности носителем языка и культуры, результатом которой является порождение текста и текст как соответствующий коммуникативный продукт.

Во-вторых, во всех случаях анализируемые единицы сохраняют свой потенциал как *эффективное и довольно эффективное* средство воздействия на реципиента. Это позволяет продуценту варьировать соотношением привычного и креативного/непривычного через со-активацию вторичных признаков воспринимаемого объекта, через варьирование соотношением «когнитивный фон ↔ когнитивная фигура» благодаря перспективизации и/или профилированию комплекса сведений, через варьирование соотношением «салиентное в коммуникации знание ↔ нерелевантное в коммуникации знание». Тем самым можно, очевидно, ненавязчиво манипулировать восприятием реципиента.

В-третьих, реализация и тонкая дифференциация функционала дискурсивных практик и типов текста приводит к синхронизации нескольких функций: информирования и рекреации, аргументирования и развлечения, описания и иронизирования, т. е. когда в тексте более или менее успешно со-встречаются информативные, людические, комиссивные, декларативные, экспрессивные и другие типы функций и варьируется их соотношением как общей и частных функций на том или ином этапе порождения текста.

Сказанное весьма важно учитывать при анализе, поскольку, в-четвертых, в настоящее время мы как коммуниканты имеем дело с обновлением в иных коммуникативных условиях (информационное общество) специализации средств и способов реализации коммуникативных/дискурсивных стратегий на определенную коммуникативную и когнитивную задачу.

Отвечая на вопрос, почему так часто субъект познания и коммуникации обращается к эвфемизмам, стоит еще раз подчеркнуть такие обстоятельства, как:

- высокая степень дифференциации функционального потенциала эвфемизмов как номинативных средств;
- мощность воздействия анализируемых средств на реципиента с известными продуценту характеристиками;
- очевидное стремление продуцента избежать когнитивный диссонанс у реципиента и оптимизировать тем самым взаимодействие.

Эвфемизмы в этом смысле — весьма подходящее средство, поскольку их использование имеет очевидные — и весьма выгодные для продуцента — характеристики, которые позволяют:

- снизить шокирующее воздействие негатива на реципиента;
- примирить содержание актуального сообщения с имеющимися у носителей языка и культуры представлениями о мире и ценностных ориентациях;
- сохранить психологический комфорт в мире коллективного субъекта, который и без информационных шоков хрупок из-за повседневных сложностей;

- оптимизировать коммуникацию, избегая потенциального и/или реально наступающего когнитивного диссонанса и/или устрояя его;
- сконструировать симулякры настолько убедительными, что реципиент может их принимать за реальность;
- поспособствовать успеху манипулирования;
- более или менее успешно замаскировать истинные намерения коммуникантов;
- снизить или даже устранить возможность угрозы негативного коммуникативного результата в конфликтогенных ситуациях разной степени остроты.

Поэтому бесспорно, что эвфемизмы полифункциональны и служат рекреации, информированию, высмеиванию, социальной критике разной степени остроты, выражению разных эмоциональных состояний, выпуску пара, паролным средством в дискурсе (распознавание «свой – чужой»), манипулированию, конструированию симулякров, смещению коммуникативных акцентов (изменение конфигурации сведений), переключению внимания с одного предмета обсуждения на другой, умолчанию нежелательных для одного или обоих коммуникантов сведений, замалчиванию информации определенного свойства и пр. (см. приведенные ранее примеры).

Эвфемизм как самостоятельное вторичное номинативное средство выступает либо как средство решения отдельной частной коммуникативной и когнитивной задачи, подчиненной достижению некоторой общей цели, либо как одно из многих средств реализации стратегий эвфемизации, которой подчинены иные частные задачи, решаемые по ходу достижения коммуникантами общей цели. Во всех случаях, однако, это одно из средств, с помощью которых в интеракции решаются те или иные коммуникативные и когнитивные задачи.

Объяснительная сила изложенных положений

Проведенный анализ изучаемых единиц на разном эмпирическом материале дает основания для погружения полученных данных в более широкий контекст — особенности текстосемантической, текстосинтаксической и функциональной организации продуктов взаимодействия носителей языка и культуры с помощью разноуровневых и разнообразных языковых средств как элементов культурного кода «язык». С такой точки зрения обнаруживается, что тенденция к эвфемизации вполне вписывается в особенности организации текстовой ткани, выявляемые в последние десятилетия исследователями — сторонниками самых разных теоретических направлений:

- 1) гибридизация при организации текстовой ткани с диффузией текстотипологических границ между текстами того или иного типа;
- 2) семиотическая гетерогенность/креолизация со все более интенсивным обращением при решении коммуникативных задач к средствам различных невербальных кодов наряду с вербальными средствами;
- 3) карнавализация с неизбежными вследствие этого существенными изменениями в номинативной деятельности коммуникантов;
- 4) повышение значимости образности как неотъемлемой составляющей текстовой ткани;
- 5) стремление к (сознательному и намеренному и/или неосознаваемому) управлению информационным потоком;

- б) манипулятивность (как позитивная, так и негативная) с сознательным и целенаправленным порождением фейков и симулякров;
- 7) креативность и аттрактивность в формальном и содержательном планах;
- 8) политеологичность дискурсивных практик и полифункциональность текста того или иного типа (см. подробнее комментариев: Гришаева, 2020).

Одной из причин представленного положения дел можно признать достаточно отчетливо выраженные потребности современного общества в коммуникативно и когнитивно гибкой личности, способной быстро и эффективно адаптироваться к постоянно меняющимся условиям актуального информационного общества, общества знаний. Востребованными оказываются при этом разные ипостаси субъекта⁵ познания и коммуникации и, следовательно, разные умения, навыки и компетенции: *homo faber – homo sapiens – homo loquens – homo ludens – homo cogitans – homo politicus – homo symbolicus – homo mediatеs* и, очевидно, со временем какие-либо еще. Следствием этого являются разные способы содержательной, формальной, функциональной организации текстовой ткани, так как различные интересы (читай также: ипостаси) субъекта обуславливают выбор разных средств и способов реализации интенции (см. подробнее: Гришаева, 2022а; Конюшкевич, 2014; Человек ..., 2006).

Таким образом, очевидно, что тенденцию к эвфемизации можно интерпретировать как проявление более общей тенденции к *оптимизации* коммуникации. Правомерность такого решения основывается на том, что в силу своей природы эвфемизмы и эвфемизация не только создают предпосылки для коррекции результата концептуализации воспринимаемых сведений, но и для минимизации последствий от когнитивного диссонанса. Последний возникает в ситуациях обсуждаемого типа вследствие явного для реципиента противоречия между его конвенциональными представлениями об организации взаимодействия, о характере отношений между коммуникантами, о приемлемых способах означивания того или иного элемента внеязыковой действительности, о нормах ожидания и оценках, с одной стороны, и необходимостью действовать вопреки таким конвенциональным представлениям — с другой. Иными словами, субъект познания и коммуникации оказывается в ситуации «Я знаю X, я делаю НЕ-X», т. е. в ситуации когнитивного диссонанса (см. подробнее: Психологический словарь, 2001, с. 355). Между тем ситуации когнитивного диссонанса настолько эмоционально некомфортны и даже деструктивны для субъекта, что он стремится едва ли не любым способом выйти из такого положения дел. Обращение продуцента при порождении текста к техникам эвфемизации позволяет ему оптимизировать коммуникацию, т. е. в той или иной мере снизить остроту оценок, сгладить шокирующее воздействие негатива, примирить сообщаемое содержание с имеющимися у носителей языка и культуры представлениями о мире и т. д.

Следует также особо заметить, что описанный эффект от обращения к разнообразным техникам и средствам эвфемизации прослеживается только в условиях,

⁵ В данном контексте целесообразно напомнить мнение В. Д. Девкина относительно влияния «факторов необъективного порядка» (Девкин, 2015, с. 113) на процессы переименования, ведущие к «сдвигам в системе названий. С ономаσιологической точки зрения они приводят к тому, что вещи получают новое имя. С семасиологической точки зрения лексические единицы при изменении их денотативной отнесенности приобретают новую семантику, либо расширяя свою семантическую структуру, либо видоизменяя и перестраивая ее» (Девкин, 2015, с. 137).

когда у обоих участников взаимодействия со-активируется более или менее сопоставимый в качественном и количественном отношении комплекс разнородных сведений, когда соотношение объективируемых и имплицитных сведений о мире остается при их интерпретации (декодировании) приемлемым для адекватного в соответствующих коммуникативных условиях взаимодействия.

Выводы

Стремление обобщить сказанное побуждает акцентировать ряд положений.

Интерес к эвфемизмам как средствам решения той или иной коммуникативной и когнитивной задачи в некоторых условиях объясняется их когнитивным, номинативным и функциональным потенциалом. Особого внимания при этом заслуживают следующие свойства единиц анализируемого типа:

- довольно устойчивая и прозрачная для носителей культуры связь с ценностными ориентациями, доминирующими в определенный период бытования культуры, и на этом основании способность конструировать аксиологический фон, а также варьировать соотношением «когнитивный фон — когнитивная фигура» в актуальном акте познания и коммуникации;

- активизация сведений о мире, конвенционально не эксплицируемых в коммуникации, но значимых для осмысления, такими способами и средствами, которые могут эффективно обеспечить примирение острых конфликтов между доминирующими в культуре социальными нормами и ценностными ориентациями, с одной стороны, и потребностями коммуникантов в продуктивном завершении конкретной интеракции — с другой;

- высокая содержательная, формальная и функциональная вариативность, не обнаруживающая однозначной привязки к тем или иным (разнородным) параметрам взаимодействия между носителями языка и культуры;

- активизация сведений об элементе реальной и/или виртуальной действительности одним из потенциально вероятных в языковой культуре способов из набора разнообразных изофункциональных средств для решения соответствующей коммуникативной и когнитивной задачи;

- сущность как вторичного номинативного средства для того или иного элемента внеязыковой действительности, позволяющего максимально успешно оптимизировать коммуникацию как при кооперативном, так и при некооперативном и даже конфликтном взаимодействии;

- способность средств и способов эвфемизации варьировать соотношением между объективируемыми и имплицитными сведениями об одном и том же элементе реальной, виртуальной, фикциональной действительности, обеспечивать разное конфигурирование некоторой части комплекса воспринимаемых гетерогенных, гетерохронных, гетеросубстратных сведений, а также всего комплекса в целом (т. е. отдельный фрагмент картины мира и/или картину мира одного либо обоих коммуникантов в целом);

- высокая степень прозрачности для носителей языка и культуры мотивации их номинативной деятельности через выбор эвфемистических средств при кодировании воспринимаемых ими сведений о мире, а также при декодировании реципиентом воспринимаемых им номинативных единиц.

Формальное, содержательное и функциональное разнообразие обсуждаемых средств, а также их способность оптимизировать коммуникацию позволяет разграничить эвфемизм как средство вторичной номинации и эвфемизацию как стратегию, в которой следует различать когнитивную, номинативную и коммуникативную составляющие.

При анализе целесообразно учитывать, в каких условиях коммуниканты выбирают стратегию эвфемизации: при кооперативном или некооперативном общении, при угрозе негативного коммуникативного результата или при конфликтном взаимодействии — от этого в том числе зависит и интерпретация воздействия на реципиента, степень интенсивности и эффективности подобного воздействия, а также его характер: позитивный (т. е. благоприятный для одного и/или обоих интерактантов) либо негативный (т. е. неблагоприятный для одного и/или обоих интерактантов), но от этого не утрачивающий своей сущности как эвфемистического.

Закономерно различать эвфемизацию в узком и широком смысле. В первом случае речь идет о более или менее осознанной замене одного средства реализации интенции субъекта познания и коммуникации другим, который для субъекта воспринимается более уместным и эффективным в соответствующих условиях. И тогда эвфемизация становится дополнительным способом структурирования информационного потока, поддерживающим усилия коммуникантов по достижению основной цели. Во втором случае эвфемизация является основным способом решения коммуникативных и когнитивных задач и достижения какой бы то ни было цели взаимодействия, обеспечивая тем самым принципиально максимально продуктивное и оптимальное — с точки зрения продуцента — развитие интеракции.

Обозначенный подход к осмыслению столь разнородной в содержательном, формальном, функциональном отношении эмпирии, как эвфемизмы и эвфемизация, подводит к осознанию острой необходимости исчислять и изучать средства и способы решения конкретной коммуникативной и когнитивной задачи в определенных социокультурных условиях коммуникантами с известными разнородными характеристиками, а также к описанию конкретных способов решения соответствующих задач. При этом особую значимость приобретает соотношение гетерогенных, гетерохронных, гетеросубстратных сведений о мире, не только эксплицируемых (вербальными и невербальными средствами и способами), но и имплицитных в конкретном акте взаимодействия, со-активируемых разными способами, а также являющихся выводным знанием.

Стратегический взгляд на изучаемую проблематику выявляет потребность выбирать между холистическим и атомистическим подходами при исследовании того или иного вопроса. Атомистический подход фокусируется на определенном явлении, описываемом с разной степенью детализации разными приемами с разными целеустановками изолированно от иных изофункциональных средств и способов. Поэтому многочисленные связи (прежде всего субсистемные и суперсистемные) для анализируемого элемента системы остаются вне поля зрения. Холистический подход предполагает такой фокус исследования, при котором функционирование разнородных и разноуровневых средств описывается как способы и средства решения определенной коммуникативной и когнитивной задачи в тех или иных условиях и осмысливается как подчиненное достижению одной цели. В таком случае причины и последствия использования эвфемизмов осмысливаются в неразрывном единстве, а также с учетом характеристик субъектов познания и коммуникации, участвующих в изучаемой интеракции, на фоне текста (при статическом взгляде на продукт

коммуникации) либо на фоне коммуникативного события (при динамическом аспекте рассмотрения интеракции).

При атомистическом подходе внимание уделяется отдельным эвфемизмам, которые в таком случае анализируются прежде всего с номинативных позиций как средства, предпочитаемые по той или иной причине первичным номинативным. При холистическом подходе эвфемизмы анализируются как одно из разнообразных средств и способов реализации стратегии эвфемизации, интерпретируемой либо как основная коммуникативная цель взаимодействия в определенных условиях, либо как цель, сопутствующая (дополнительная) основной, обеспечивающая оптимизацию коммуникации, способствующая гармонизации отношений между коммуникантами, минимизации влияния конфликтогенов разной этиологии, снятию условий для потенциального когнитивного диссонанса у реципиента.

Особенности субъекта познания и коммуникации важны как фактор анализа единиц изучаемого типа потому, что в разных типах интеракции при решении разных задач востребованными оказываются разные ипостаси субъекта: *homo faber* – *homo sapiens* – *homo loquens* – *homo ludens* – *homo cogitans* – *homo politicus* – *homo symbolicus* – *homo mediatus* и др. Это происходит потому, что в разных форматах дискурса требуются разные комплексы сведений, включающие в себя знания о мире, интеракционные и языковые знания. В результате комплексы гетерогенных, гетерохронных, гетеросубстратных знаний *перспективируются определенным образом, профилируются, категоризируются и концептуализируются так, чтобы взаимодействие носителей языка и культуры — в идеале — оставалось продуктивным и комфортным для обеих сторон не только в кратковременной, но и в долговременной перспективе*. И как следствие, в разных типах текста как коммуникативных продуктах языковыми средствами фиксируются, объективируются, активизируются и со-активируются разные сведения о мире.

Поэтому при анализе эвфемизмов и эвфемизации важно сознательно учитывать, какой именно аспект функционирования средств изучаемого типа имеется в виду: деятельность продуцента или реципиента, процессы кодирования или декодирования, результаты объективирования сведений о мире средствами того или иного культурного кода или комплекс активированных и со-активированных, но не объективированных сведений о мире.

Список источников

1. Эвфемизм. *Малый академический словарь*. (2023, 13 октября). GUFO.ME <https://gufo.me/dict/mas/эвфемизм>
2. Эвфемизмы. *Словари. Лингвистический энциклопедический словарь*. (2023, 13 октября). <https://rus-lingvist-dict.slovaronline.com/1293-эвфемизмы>
3. Крысин, Л. П. (2008). *Иллюстративный толковый словарь иностранных слов*. Эксмо.
4. Гришаева, Л. И. (2022). *Диалоги о межкультурной коммуникации*. Наука-Юнипресс.
5. Бабина, Л. В. (2003). *Когнитивные основы вторичных значений в языке и речи*. Издательство ТГУ им. Г. Р. Державина.
6. Девкин, В. Д. (2015). *Очерки по лексикологии*. Монография. И. П. Амзаракова, С. В. Буренкова (Отв. ред.). Под общей редакцией И. П. Амзараковой. Издательство ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова».
7. Гришаева, Л. И. (2022а). *Homo sapiens versus homo ludens или Homo sapiens & homo ludens? Поволжский педагогический вестник, Т. 10, 1(34), 54–64.*

8. Гришаева, Л. И. (2020). *Варьирование текста в коммуникации*. Наука-Юнипресс.
9. Иванян, Е. П. (2022). *Эвфемизмы русского языка*. Флинта.
10. Tsvasman, L. (2006). Informationsgesellschaft [information society]. *Das große Lexikon Medien und Kommunikation. Compendium interdisziplinärer Konzepte* (S. 134–140). Leo Tsvasman (Hrsg.). Ergon Verlag.
11. Степанова, М. Д., & Чернышова, И. И. (2003). *Лексикология современного немецкого языка*. Академия.
12. Антрушина, Г. Б., Афанасьева, О. В., & Морозова, Н. Н. (2023). *Лексикология английского языка*. English Lexicology. Учебник и практикум для вузов. 8-е изд., перераб. и доп. Юрайт.
13. Сеничкина, Е. П. (2008). *Словарь эвфемизмов русского языка*. Флинта: Наука.
14. Цейтлин, С. Н. (2001). *Словарь детских словообразовательных инноваций*. Verlag Otto Sagner. (2023, 13 октября). <https://library.oapen.org/bitstream/handle/20.500.12657/26160/1003927.pdf?sequence=1>
15. Rada, R. (2013). *Tabus und Euphemismen in der deutschen Gegenwartssprache*. (2023, 13 октября). <https://edit.elte.hu/xmlui/handle/10831/40976>
16. Грановская, Р. М. (1981). *Восприятие и признаки формы*. Наука.
17. Солсо, Р. Л. (2002). *Когнитивная психология*. Тривола, Либерия.
18. Anderson, J. R. (2001). *Kognitive Psychologie*. Spektrum: Akademischer Verlag.
19. Гришаева, Л. И., Катанова, Е. Н., Кашкина, О. В., & Бойко, М. А. (2009). *Языковые средства конструирования имиджа субъекта в политической коммуникации*. Коллективная монография. ИПЦ ВГУ.
20. Grischaewa, L. I. (2022). Konstruktion vom Simularkrum, ludophile Texte, soziale Kritik und Präzedenzphänomene als sekundäres nominatives Ausdrucksmittel. *Русская германистика* (с. 120–144). Ежегодник Российского союза германистов. Т. 19. Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова.
21. Конюшкович, М. И. (2014). Типология субъектов речи: номенклатура и номинация. *Субъект познания и коммуникации: языковые и межкультурные аспекты* (с. 49–68). Наука-Юнипресс.
22. *Человек как субъект коммуникации: универсальное и специфическое*. (2006). Воронежский государственный университет.
23. *Большой толковый психологический словарь*. (2001). Т. 1. Вече-Аст.

References

1. Euphemism. *Small Academic Dictionary*. (2023, October 13). <https://gufo.me/dict/mas/euphemism> (In Russ.).
2. Euphemisms. *Dictionaries. Linguistic Encyclopedic Dictionary*. (2023, October 13). <https://rus-lingvist-dict.slovaronline.com/1293-euphemisms> (In Russ.).
3. Krysin, L. P. (2008). *Illustrative explanatory dictionary of foreign words*. Eksmo. (In Russ.).
4. Grishaeva, L. I. (2022). *Dialogues on intercultural communication*. Nauka-Yunipress. (In Russ.).
5. Babina, L. V. (2003). *Cognitive bases of secondary meanings in language and speech*. Publishing house of TSU named after G. R. Derzhavin. (In Russ.).
6. Devkin, V. D. (2015). *Essays on lexicology*. Monograph. I. P. Amzarakova, S. V. Burenkova red.). Under general editorial I. P. Amsarakovoy. Izdatel'stvo FGBOU VPO «Hakasskij gosudarstvennyj universitet im. N.F. Katanova». (In Russ.).
7. Grishaeva, L. I. (2022a). Homo sapiens versus homo ludens or Homo sapiens & homo ludens? *Povolzhskij pedagogicheskij vestnik*, Vol. 10, 1(34), 54–64. (In Russ.).
8. Grishaeva, L. I. (2020). *Text variation in communication*. Nauka-Yunipress. (In Russ.).
9. Ivanyan, E. P. (2022). *Euphemisms of the Russian language*. Flinta. (In Russ.).

10. Tsvasman, L. (2006). Informationsgesellschaft [information society]. *Das große Lexikon Medien und Kommunikation. Kompendium interdisziplinärer Konzepte* (S. 134–140). Leo Tsvasman (Hrsg.). Ergon Verlag. (In German).
11. Stepanova, M. D., Chernyshova, I. I. (2003). *Lexicology of the modern German language*. Akademiya. (In Russ.).
12. Antrushina, G. B., Afanas'eva, O. V., & Morozova, N. N. (2023). *Lexicology of the English language*. Yurait. (In Russ.).
13. Senichkina, E. P. (2008). *Dictionary of euphemisms of the Russian language*. Flinta: Nauka. (In Russ.).
14. Zeitlin, S. N. (2001). *Dictionary of children's word-building innovations*. Verlag Otto Sagner, (2023, October 13). <https://library.oapen.org/bitstream/handle/20.500.12657/26160/1003927.pdf?sequence=1> (In Russ.).
15. Rada, R. (2013). *Tabus und Euphemismen in der deutschen Gegenwartssprache*. (2023, October 13). <https://edit.elte.hu/xmlui/handle/10831/40976> (In German).
16. Granovskaya, R. M. (1981). *Perception and signs of form*. Nauka. (In Russ.).
17. Solso, R. L. (2002). *Cognitive Psychology*. Trivola, Liberiya. (In Russ.).
18. Anderson, J. R. (2001). *Kognitive Psychologie*. Spektrum: Akademischer Verlag. (In German).
19. Grishaeva, L. I., Katanova, E. N., Kashkina, O. V., & Boyko, M. A. (2009). *Linguistic means of constructing the subject's image in political communication*. Collective monograph. CPI VSU. (In Russ.).
20. Grishaeva, L. I. (2022). Konstruktion vom Simularkrum, ludophile Texte, soziale Kritik und Präzedenzphänomene als sekundäres nominatives Ausdrucksmittel. *Russian German studies* (pp. 120–144). Yearbook of the Russian Union of Germanists. Vol. 19. Linguistics University of Nizhny Novgorod. (In German).
21. Konyushkevich, M. I. (2014). Typology of speech subjects: nomenclature and nomination. *The subject of cognition and communication: linguistic and intercultural aspects* (pp. 49–68). Nauka-Yunipress. (In Russ.).
22. *Man as a subject of communication: universal and specific*. (2006). Voronezh State University. (In Russ.).
23. *Big explanatory psychological dictionary*. (2001). Т. 1. Veche-Ast. (In Russ.).

Информация об авторе

Людмила Ивановна Гришаева — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры немецкой филологии Воронежского государственного университета.

Information about the author

Ludmila I. Grishaeva — Doctor of Philology, Professor, Full Professor at German Philology Department, Voronezh State University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.